

Инициативные и наказуемые

Начало реформы или конец науки?

Илья Касавин,

докт. филос. наук, профессор, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала *Epistemology & Philosophy of Science*

Илья Касавин, фото с сайта iph.ras.ru

Реформа как плод сетевого креатива

12 мая 2015 года на заседании Ученого совета Института философии мы критически обсудили проекты документов «О программе фундаментальных научных исследований...», «План структуризации научных организаций» и «Об утверждении методических рекомендаций по распределению субсидий», подготовленных Минобрнауки и ФАНО [1]. Уже после этого мне попалась на глаза обстоятельная статья Андрея Летарова «ФАНО и принципы целеполагания в науке» (ТрВ-Наука № 178 от 5 мая 2015 года [2]).

Инициатива ФАНО по обсуждению реформы заслуживает поддержки, даже если нарушены регламенты и прочие нормативные документы. Это в любом случае лучше, чем пытаться совсем уж тайком протолкнуть те или иные решения. Видно, призыв Андрея Гейма «Индюшки не голосуют за Рождество» слегка утратил популярность. Однако вместо того, чтобы включить разработку данных документов в государственное задание профильных институтов, предлагается своего рода краудсорсинг, который чрезвычайно несовершенен с точки зрения подготовки социально значимых решений. Нет гарантий, что в качестве самых активных экспертов выступят наиболее квалифицированные — последние могут быть просто заняты другими делами. Поэтому с самого начала итоги такой общественной экспертизы не вызывают большого доверия. Более того, похоже, что и первоначальные документы собирались второпях, «с борю по сосенке», поскольку содержат бросающиеся в глаза недоработки. Документы и дискуссия навели меня на некоторые мысли, которыми я и хочу поделиться.

«Наука вообще».

Цифирь продолжается

Начать с того, что в документе отсутствует теоретическая преамбула, в которой давались бы экспликация и обоснование модели развития науки в России на основе сопоставления известных зарубежных моделей (американской, английской, германской, французской, китайской) и традиции российской науки. Квалифицированная характеристика науки в современной России должна быть дана с точки зрения того, насколько себя оправдала прежняя модель науки, и в сопоставлении с той моделью, которая рассматривается как более перспективная. Характеристика науки «вообще», вне сравнительного и модельного анализа, оказывается абстрактной, неадекватной и бесполезной.

Всем ясно, что опыт развития науки за рубежом дает основания для сопоставления с российской практикой. Учет его в сравнительном анализе может дать объективную картину, а в ряде случаев (когда это опыт более развитых стран) и перспективу. Однако это задача является далеко не банальной. Для ее решения нужно десятилетиями развивать соответствующие научные дисциплины, исследующие науку в социальном и культурном контексте. Российское же науковедение начиная с 1930-х годов испытывало постоянные гонения и до сих пор не находит должной поддержки у государства и бизнеса. Вместе с

тем в США свыше ста университетов имеют постоянные программы STS — science and technology studies, получающие бюджетную и коммерческую поддержку. В США есть не только уникальный опыт развития науки, но и качественные примеры его анализа, без чего данный опыт трудно использовать на практике.

Пока же ФАНО предлагает для обсуждения документ, содержащий в основном статистические данные, но очень мало их качественной интерпретации и анализа. И даже статистика повисает в воздухе, поскольку не сопоставляется с аналогичной информацией по развитым в научном отношении странам. Откуда же взяться адекватной картине российской науки? Пусть в России за 14 лет в абсолютном исчислении на 18% увеличились зарплаты ученых. На деле же это означает, что они резко сократились, поскольку только инфляция за эти годы «съела» не менее 100%. А в Германии зарплата росла на уровне инфляции (1,5–2% в год) и осталась на прежнем уровне, будучи как минимум в три раза выше, чем в России. Где же будут работать ученые, имеющие возможность выбора?

Над документами Минобрнауки и ФАНО витает идея приоритета университетской науки. Дескать, войдет пять университетов в сотню мировых, а там и трава не расти. Ничего, если на этом пути потерпит ущерб академическая наука; зато выиграет университетская. Но к чему этот антагонизм, как будто не одно дело делаем? Ведь известно: масштабные вливания в университеты до сих пор не дали пропорциональной отдачи и вряд ли ее дадут. Зарплаты университетского начальства растут несопоставимо быстрее, чем у преподавателей. Дорогая аппаратура простаивает — нет специалистов. Свободный доступ в Web of Science и Scopus никого не восхищает — рейтинги университетских ученых не растут. Преподавательская нагрузка увеличивается. А ФАНО задается вопросом: где же лучше развивать науку — в НИИ или вузах? Но простого ответа опять нет. Необходимо провести сравнительный анализ академической и вузовской науки по дисциплинам. В разных дисциплинах дело обстоит по-разному. В некоторых вузовская наука вообще не может иметь сравнения с академической — последняя однозначно лидирует. В иных имеется относительный паритет. Меры по усилению вузовской науки нужно принимать целенаправленно, с учетом развития тех или иных дисциплин. Педагогика и физика — вещи разные. Вообще надо бы побольше конкретики, вникания в суть дела. Может, стоит тщательнее, по Жванецкому?

Кадры решают или кто-то еще?

И здесь мы подходим к другому важному вопросу — о кадрах, точнее об их оттоке. Ясно, что без статистики и анализа картина науки не будет полной. Для понимания status quo необходимо оценить объем упущенных перспектив (как в бизнесе — упущенную выгоду). К сожалению, мы упустили почти всё, что только могли. Лишь отчасти этому помешала самоотверженная работа российских ученых в условиях низкого финансирования и недостаточного аппаратного и информационного обеспечения. Их

гражданское мужество до сих пор держит российскую науку на плаву. В России и в мирное время есть место подвигу!

В проекте обсуждаемых документов никак не учитывается, что целый ряд академических институтов представляет собой уникальные феномены не только и не столько потому, что там есть какая-то собственность — мегаустановки и прочее. Главное, там еще остались научные школы и выдающиеся ученые, гордость России. Если не принять меры по сохранению и развитию научных школ, то даже в этих областях науки всякая конкурентоспособность будет утрачена на десятилетия вперед. Скромные президентские программы государственной поддержки ведущих научных школ совсем нехоти сокращены вдвое. Это отношение к ним транслируется и на других уровнях вертикали власти.

В документах Минобрнауки и ФАНО не просматривается понимания ключевой проблемы. Пусть наука сегодня представляет собой социальный институт. Однако он не аналогичен автоматизированной фабрике и даже налаженному бизнесу. В науке, как и раньше, всё решает квалификация ученых. Но если больше думать о хлебе насущном, чем о точке сингулярности, электрохимии синапса или о возникновении сознания, то даже за текущей периодикой не уследишь, а уж научных прорывов придется ждать ох как долго. В нормальной науке проблема повышения квалификации в системе международного сотрудничества не может решаться сугубо индивидуально: выиграл грант — поехал на стажировку. Кстати, таких грантов почти нет в России, поэтому ученые используют зарубежные гранты, поддерживающие совсем не патриотическую мотивацию. Чтобы ученый хотел развивать науку в России, государство само должно его командировать за рубеж в целях повышения квалификации и на определенных условиях. Здесь не грех поучиться у китайцев.

Как-то неудовольствие в информационную эпоху жаловаться на информационное обеспечение научной деятельности. Если требовать от ученых статей в журналах Web of Science и Scopus, то необходимо заранее обеспечить свободный доступ к этим базам во всех академических институтах. Это же касается доступа к основным базам данных по специальности. Тогда никому и в голову не придет утверждать, что ученые замкнулись в себе. Скорее, придется вспомнить о том, что их «закрыли», и довольно давно. А фразу «кадры решают всё» не нужно понимать так, что всё зависит от отдела кадров и пресловутого «первого отдела». Наоборот, всё зависит от ученых. Если они будут иметь должную квалификацию и постоянно ее повышать, то всё наладится само собой.

Вспомним и о научной молодежи, которая совсем не рада сокращению академических аспирантур. Академическим институтам и университетам должна быть предоставлена свобода в определении задач их аспирантуры: она нужна в ведущих институтах и ведущих вузах, где есть профильные диссертационные советы. Для НИИ аспирантура — это главный резерв, поэтому развитие кадрового потенциала напрямую зависит от развития исследовательской аспирантуры. Именно это

должно стать целью научной политики. В таком случае ясны и средства: материально-техническое обеспечение, политическая открытость и кооперация, перевод экономики в режим шестого технологического уклада. В современном мире высококвалифицированный специалист — главная боевая единица. Ухватившись за это звено, можно вытянуть всю цепочку.

Снова физики и лирики

В документе приводится типология научных исследований, предназначенная для выделения разных видов научных институтов:

- а) дисциплинарные фундаментальные научные исследования;
- б) (фундаментальные) научные исследования междисциплинарного характера;
- в) поисковые (ориентированные) научные исследования, в том числе обладающие потенциалом коммерциализации (практического применения) результатов;
- г) научные исследования общественно значимых проблем и процессов.

Надо развеять иллюзии по поводу того, что эта типология позволяет разграничить разные науки, дисциплины и исследовательские институты по существенным параметрам. Практически каждый академический институт проводит все выделяемые типы исследований. Нет никаких научных исследований, которые бы не касались потенциально или актуально «общественно значимых проблем и процессов», в противном случае их нужно просто закрыть.

Отграничивание социальных и гуманитарных наук от естественных, подразумеваемое данной рубрикой, произвольно и препятствует тому самому междисциплинарному тренду, на котором построен документ. Единство и взаимодействие естественных, технических, социальных и гуманитарных наук есть главная тенденция современности. Это отражается даже в набившей оскомину аббревиатуре НБИКС. И фундаментальные, и прикладные, и дисциплинарные, и междисциплинарные, ориентированные, прикладные, поисковые и прочие — всё это исследования, выполняемые в академических институтах социально-гуманитарного профиля.

Далее, дисциплинарные и междисциплинарные исследования не отделены друг от друга непроходимой стеной. Это различие отражает лишь моменты эволюции науки, взаимодействие системы и самоорганизации, статики и динамики, плана и поиска. Биохимия, психосемантика, геофизика, экономическая история, математическая логика — это дисциплины или междисциплинарные исследования? Ответ зависит от того, в какой исторический момент и применительно к какой стране задается этот вопрос.

Наконец, противопоставление фундаментальных и поисковых исследований вообще не выдерживает критики. Казуистическое вменение поисковым исследованиям некоторой практической ориентированности противоречит смыслу известных слов. Именно свободный поиск и отличает исследование переднего края науки, заранее не ориентированное

на коммерциализацию. Устаревшее разделение на фундаментальные и прикладные исследования также не может быть принципом типологии академических институтов, хотя и характеризует приоритеты в работе отдельных лабораторий. Трудно найти среди академических институтов такие, которые не ведут прикладных исследований, — даже в Институте философии РАН таких достаточно, хотя философию и привыкли обвинять в оторванности от жизни.

Эффективным менеджерам — эффективным ученым?

Минобрнауки и ФАНО настойчиво ищут пресловутые общие критерии эффективности науки в государственном секторе. Вспоминается история про черную кошку в темной комнате. Выделение таких критериев упирается в непрозрачность подлинных причин развития той или иной науки или дисциплины. Даже в рамках одной науки, математики например, критерии эффективности по отношению к чистой и прикладной математике резко различаются. Это же касается оценок эффективности для теоретической и экспериментальной физики; общей психологии и психотерапии; эволюционной биологии и генной инженерии; истории античной философии и философии политики. Общеизвестный набор количественных критериев (количество публикаций и ссылок; количество мероприятий; количество журналов; количество экспертиз и записок в органы власти и пр.) характеризует науку в целом, но не позволяет, к примеру, провести оценку эффективности ни отдельного академического института, ни даже отдельной лаборатории. Наиболее весомый критерий эффективности — положительная экспертиза, проведенная наиболее авторитетными учеными в своей области на основании качественного анализа того или иного научного института. Однако авторитетность ученого сама проясняется в результате экспертной оценки его работы, и здесь круг замыкается. Но это лишь видимость. На деле ученые проходят достаточно долгий путь научной социализации, который в определенной степени гарантирует их квалификацию. А коллективизм и демократизм в принятии решений демпфируют недостатки отдельных ученых. Поэтому нужно обеспечить науке возможность самоорганизации, предоставив ученым базовые условия для работы. Если нельзя повысить зарплаты на 200%, не ликвидировав большую часть науки, то хотя бы оставьте ученых в покое!

Известная поговорка, выражающая смысл командно-бюрократической системы, гласит: «Инициатива наказуема». За недостатки предлагаемых документов должен бы ответить тот, кто их предлагает. Однако если ждать у моря погоды, то получится наоборот: накажут самих ученых.

1. См. «Резолюцию Ученого совета Института философии РАН от 12 мая 2015 года» — http://iph.ras.ru/12_05_2015.htm

2. <http://trv-science.ru/fano-i-principy-celepolaganiya-v-nauke/>

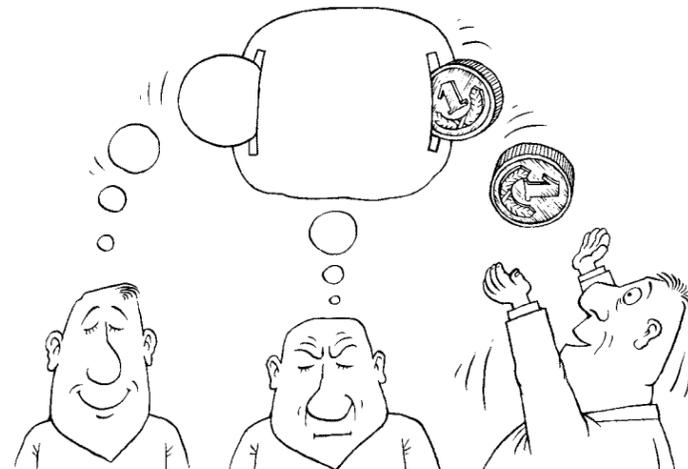

Рис. М. Смагина